

ПРО ДОЛГЪ

ИВАНКОВ ИВАН



Иван ИВАНКОВ

Про долг

«Автор»

2025

Иванков И.

Про долг / И. Иванков — «Автор», 2025

В разгар войны за таинственный минерал кристанит, перевернувший мир технологий, полковник Платон Алексеевич стоит перед невозможным выбором: защитить крепость от натиска английских автоматов или спасти собственную дочь. Аннушка, своенравная и отважная, вопреки воле отца возвращается в эпицентр сражения, где сталкивается с непостижимым — гигантским автоматом «Мишенькой», чьи действия ставят под сомнение саму природу бездушных машин. На фоне масштабных битв, где стальные солдаты сокрушают человеческие жизни, разворачивается драма предательства, жертвенности и неожиданного союза. Технологии, созданные для убийства, обретают загадочную «душу», а люди — вынуждены платить высшую цену за верность долгу. Это история о том, как в вихре металла и крови рождается надежда — хрупкая, как хрусталь, и сильная, как сталь.

© Иванков И., 2025

© Автор, 2025

Иван Иванков

Про долг

Этот рассказ я посвящаю своему отцу, который ушел из жизни в 2024 году. Он был настоящим офицером – человеком чести, дисциплины и нестигаемой воли. Для меня он всегда оставался и остается лучшим примером отца: его любовь, забота и поддержка вдохновляли меня на протяжении всей жизни.

Часть первая. Начало обороны

– Значит, вы, папенька, решили избавиться от меня? Вот так просто? Сослав в Петербург?!

Платон Алексеевич нахмурился, что в силу своего возраста и чина он делал весьма часто, когда хотел задавить авторитетом подчинённых. Однако вздорная и своенравная дочь даже не думала ему подчиняться. Напротив, голубые глаза, доставшиеся ей от почившей десять лет назад матери, казалось, горели негодованием, а милые веснушки выделялись, будто воинственные татуировки индейцев-апахи.

– Аннушка, милая. Я не могу оставить тебя с собой, ведь скоро придут враги. С Божьей помощью ты отбудешь в Петербург, где тебя будет встречать тётя, Антонина Ивановна. Погости у неё, пока всё не уляжется, – “папенька”, он же Платон Алексеевич, для вида нахмурился ещё раз, хотя и знал, что это не подействует на дочь. – Прощу тебя, не ерепенься.

Девушка гневно взглянула на него, отчего её курносый носик ещё больше задрался вверх. Отец улыбнулся, и мелкие морщинки на его лице слегка разгладились. Через пару зим Анну придётся выдавать замуж. Станет ли она робкой и покорной женой? Вряд ли. Скорее, это будет фурия, способная своим характером растопить металл. Бедняга, её будущий муж... Жаль, что он сам его никогда не увидит.

– Папенька, вы можете погибнуть...

– Что за вздор?! – воскликнул он сердито, но всё равно получилось как-то неуверенно. – Я не собираюсь в могилу. Ещё не выкован тот клинок и не отлита та пуля, что пронзят моё сердце!

И ведь он сказал всё это твёрдым, будто сталь голосом, но где-то в глубине прозвучали нотки неуверенности. Девушка уже была готова ухватиться за них, как Платона Алексеевича спас Гришка – их слуга и приказчик. Подобравшись, он с поклоном подошёл к девушке:

– Не супротивитесь, милостивая сударыня. Нам пора отправляться.

Будто вторя его словам, поезд издал протяжный гудок, собирая пассажиров в вагонах.

Окатив Гришку ненавистным взглядом, Аннушка перевела его на своего отца:

– Хм...

И вот так вот, не прощаясь, она развернулась и, оттолкнув нерадивого слугу, проворно полезла в вагон, подтянув полы своего платья. Гришка поклонился отцу Аннушки, попрощался и в несколько движений исчез в проходе вагона. Платон Алексеевич ещё секунду постоял, глядя на вагон, с удовольствием и наверняка в последний раз вдыхая аромат ещё не выветрившегося женского парфюма дочери, пока второй гудок не известил о скором отбытии поезда.

По перрону заспешили люди. В основном дети, женщины и реже старики. Его дочь, Аннушка, не просто уезжала в столицу Империи. На их немногочисленный гарнизон надвигался крупный десант, второй гренадёрский полк. Спустя менее суток, враг должен был выйти на их крепость и напасть, пользуясь значительным численным преимуществом, чтобы захватить их заставу.

Второй гренадёрский полк был известен прежде всего как механизированное воинское формирование. В его составе были разнообразные автоматы, в свою очередь составляющие различные подразделения. Горнило войны раскидало войска российской императорской армии. Где-то в главном штабе кто-то выбрал неверное направление атаки английской армады. И их крепость, что была построена на месте старых кристанитовых туннелей, ныне выработанных, оказалась на пути англичан.

Паровоз издал новый гудок, предупреждая, что начинает ход. Вагоны тронулись с лёгким толчком и всё увереннее покатились по рельсам. Платон Алексеевич ещё несколько секунд смотрел на удаляющийся поезд, пока протяжный гудок не вернул его к реальности. Мысль о дочери сжала сердце, но долг звал его в штаб – туда, где решалась судьба гарнизона.

С перрона он направился к стеклянному входу в вокзал, двери которого были открыты. Вокзал казался спокойным островком на фоне приближающейся бури. Тёплый свет лился со стен и самого потолка; газовые лампы мерцали, создавая уютную атмосферу, резко контрастирующую с тревогой, поселившейся на улице. По углам стояли скамейки, на которых уже не было пассажиров, ожидающих своих поездов, так как последний отбыл вместе с его строптивой дочерью. В воздухе витал лёгкий запах угольного дыма.

Уже у выхода он заметил плакат, висевший на стене. Приятного вида господин во фраке и в чёрном цилиндре, с пышными усами, как у самого Платона Алексеевича: «Кристанить – Душа Империи!!!». За ним располагался индустриальный пейзаж, собранный из разных картин: автоматы, занятые на разной работе, создавали гармоничную и динамичную сцену. Здесь можно было увидеть автоматов, занятых на разных работах: один человекоподобный механизм управляет паровым двигателем, другой собирает детали на заводе, третий загружает вагоны. Все они выполняли свои задачи с недоступной человеку точностью и синхронностью. Чуть далее стоял ещё один автомат. Свой цилиндр он держал в механической руке, будто приветствуя разглядывавшего плакат Платона Алексеевича.

Наглядная агитация новой жизни, которую загадочный кристанит подарил людям. Платон Алексеевич плохо понимал, чем именно он так помог людям. Вроде, это был какой-то источник энергии. «Аккумулятор», как его называли учёные мужи.

В Индии был обнаружен тот самый кристанит – минерал, перевернувший судьбу мира. Он дал не просто энергию, а универсальную силу, проникшую в каждую щель цивилизации. На заводах его использовали для питания станков, в медицине – для создания точных протезов и хирургических автоматов. Сельское хозяйство расцвело благодаря автоматизированным системам полива и уборки урожая. Транспорт, от паровозов до дирижаблей, зависел от него. Строители возводили высотные дома с помощью кранов на кристанитовых двигателях, а инженеры прокладывали тоннели, где буры работали без усталости. Казалось, нет отрасли, где бы его холодный блеск не стал символом прогресса.

Конечно, ещё где-нибудь в дальнем конце бесконечной России, со всеми её далёкими сёлами и глухими поселениями, можно было не найти какого-нибудь даже простого автомата. Хотя развитая система железных дорог частично и исправила эту ситуацию, но ещё не полностью охватило всю Империю. Поезда обслуживались автоматами, конечно, под контролем людей. Кстати, сама возможность строительства такой дороги появилась после перехода на новый технологический рывок, ведь в её строительстве также были задействованы «механические люди», как иногда петербургская пресса с иронией называла автоматов.

Проходя мимо кассы, он заметил фигуру в синем кителе и такого же цвета фуражке. Выполненное по подобию человека лицо издало было неотличимо, если не считать два вертикальных разреза по бокам от челюсти и одно горизонтальное между губами. Так бездушный механизм мог произносить стандартные, записанные заранее фразы, его рот открывался в этих местах.

– Чёртовы нелюди, – чертыхнулся едва слышно офицер и тут же почувствовал укол совести. Не пристало служивому человеку его ранга сквернословить, даже когда знаешь, что скоро отдашь свою жизнь в битве с аналогичным врагом. В этом случае тем более не стоит. Святые Архангелы Михаил и Гавриил, коим Платон Алексеевич готовился представиться лично, явно такое не одобряют.

Естественно, спустя пять десятилетий активного использования новых технологий, кристанит стали применять и в военном деле. Появившиеся машины – автоматы – изменили поле боя, дополнив, а где-то и вовсе заменив людей. Конечно, не полностью, но для армий это было сравнимо с изобретением колеса для всего человечества!

За кристанит началась настоящая война. Сначала тихая, закулисная, когда про неё можно было прочитать в газетах: «Английские рабочие подняли бунт в Ливерпуль. Погибли десять полицейских.» Или «В Чёрном море затонул пароход, перевозивший грузы с древесиной.» Тайные канцелярии проводили свои пока тихие операции.

Всё это было предупреждением для обеих сторон и служило скорее предостережением, пока огонь не перекинулся непосредственно на Индию и не разгорелась война за кристанит.

Российская армия, используя свои знания логистики и способность быстро перебрасывать войска, стремилась отрезать английские линии снабжения и захватить ключевые города и заставы, а также на поддержку местного населения, которое было настроено против давней оккупации английской короны.

Английская сторона, что было ещё более опасным, делала ставку на развитость своих производственных мощностей. Сотни заводов днём и ночью производили автоматов, которые затем круглосуточно отгружались на фронт, наводняя армию смертельными марионетками. Обе империи активно использовали разведку и диверсионные операции для дестабилизации противника. В воздухе витал запах пороха и напряжённость, каждое действие могло стать решающим.

Платон Алексеевич ещё был унтер-офицером, когда воинская наука начала изменяться. В войсках появились механические солдаты и целые воинские подразделения для управления механизмами.

Один только Московский завод промышленника Петра Золотарёва изготавливал двадцать тысяч военных автоматов в год! Причём разнообразных: бытовых и для нужд армии. Осадные и инженерные механизмы, пехотные и полуавтоматические орудия, которые двигались на собственном ходу. Если ранее Платон Алексеевич обучался воинскому искусству с должным охватом, изучая фехтование, стрельбу, артиллерийское искусство и прочие дисциплины, то теперь такие, как он, офицеры постепенно становились сродни вымершим мамонтам, с каждым годом уходя на покой.

Внезапно вспомнилась матушка Аннушки, почтенная раба Божия Александра Евгеньевна, которая уже десять лет назад представилась апостолу Петру и вознеслась на небеса.

Платон Алексеевич, как сегодня, помнил этот скверный день. Тело его жены внесли в старый храм святого Петра. Под иконостасом суровый батюшка отпевал покойную, мерным голосом читая Евангелие, а он не мог ничего слышать, лишь смотрел на лицо Александры Евгеньевны и на погребальный венчик, что лежал на её лбу.

Аннушка стояла подле него. Не ревела даже, лишь трогательно держала его за руку своей детской ручкой, будто боялась отпустить, чтобы он также не ушёл от неё, как мама. В храме стоял лёгкий запах ладана и воска, который смешивался с холодным воздухом, проникающим сквозь старинные окна.

Платон Алексеевич тогда поклялся у гроба своей дражайшей жены, что никогда более не полюбит никакую женщину на свете. Но самое главное – будет вечно защищать их дочь, оберегая её от всяких бед и всегда находясь подле неё, как верный рыцарь.

По воле Господней ему предстояло нарушить своё обещание. Не из-за трусости или нежелания его выполнять. Дела государственные впервые со дня его службы требовали заплатить самую дорогую цену, что может заплатить военный человек, – отдать жизнь во славу русского оружия. Только такое важное событие было способно нарушить его клятву. И всё же Платон Алексеевич чувствовал себя предателем, будто самолично оторвал дочь и бросился в пучину битвы, как какой-то молодчик, что стремился сложить свою голову. Было-то оно не так, а вот на душе чувствовалось весьма скверно.

И вот с этими думами Платон Алексеевич пересёк практически пустое здание вокзала и вышел из него. Рядом с этим зданием Платона Алексеевича ждал чёрный паромобиль, чадящий дымом из вертикальной трубы. Элегантный кузов блестел от света фонарей. Машина обладала двумя комфортными креслами, лобовым стеклом и складной крышей из тёмного брезента, на данный момент разложенную, чтобы можно было с комфортом перемещаться по делам, не боясь дождя. Платон Алексеевич уселся на пассажирское сиденье и хлопнул дверцей.

За рулём его ожидал личный адъютант и правая рука по фамилии Карпов. Платон Алексеевич не стал брать его с собой на перрон.

– Что прикажете, ваше высокоблагородие?

– В штаб, – сухо скомандовал Платон Алексеевич.

Адъютант был молод. На ещё мальчишеском лице его усы смотрелись неестественно, будто их обладатель старался придать себе более взрослый вид. Но несмотря на возраст, это был опытный военный, переживший несколько военных компаний до этого – на Кавказе и в Крыму. И где-то там потерял свою правую руку. Вместо неё на руле покоился металлический протез. Молодой офицер ненавидел автоматов ещё больше, чем сам полковник. Каждый раз, видя их, он сжимал протез, вспоминая, как стальные когти разорвали его товарищей.

Технологии продвинулись настолько, что людям стали создавать искусственные конечности. Империя гарантировала, что если её верные воины получают увечье, потеряют руки или ногу, то их не оставят в беде. У Платона Алексеевича служили люди с искусственными глазами или конечностями.

Самому полковнику это казалось каким-то неправильным, будто люди вмешивались во что-то Божественное! Он и объяснить это не мог даже словами. Вот раньше оторвало кому-то руку и поставили вместо неё в лучшем случае деревянную кисть. Она ни взять предмет не могла, ни собрать руку в кулак, – оставалась такой, какой её выточили. А сейчас поставили новую, металлическую, и можно теперь вилку ей брать или ножик, а вмазать такой можно было так, что костей потом не соберёшь... Но его подчинённый был как раз тем человеком, кто на себе прочувствовал, что миру дарила шагнувшая вперёд наука.

Адъютант молча отъехал от обочины, и покатил по мостовой их автомобиль, зачадив из трубы паровым дымом.

На некогда людных улицах можно было встретить только немногочисленные блокпосты и солдат с ружьями. Сваленные в кучу мешки с песком, рядом с которыми сустились вооружённые солдаты в тёмно-зелёных мундирах из сукна. Они спешно создавали линии обороны, которые скоро охватит огонь. Последний рубеж был усилен больше всего. На массивном лафете покоился монструозный спаренный пулемёт. Место оператора было спрятано за щитком с прорезью для прицеливания наводчиком. Солдат навёл своё орудие на их автомобиль. Не могло быть и тени сомнения, что в случае, если они проявят какую-либо агрессию, то их расстреляют. Из-за этого адъютант был предельно вежлив и не делал резких движений, передавая проверяющим пропуска. В воздухе висело напряжение, что сопутствовало создавшейся ситуации.

И всё же всех фортификационных сооружений и пулемётов не хватит, когда вражеские войска начнут штурм. Их всех ждала смерть. Про добровольное пленение не могло быть и речи.

Изучение их пропусков не заняло много времени. Хмурый солдат оглядел бумаги, на которых были написаны имена и звания офицеров, потом вернул документы и отдал честь Пла-

тону Алексеичу. Пулемёт убрал свои стволы, и стоящий впереди солдат поднял шлагбаум. Можно было проезжать.

Теперь они ехали по широкому плацу, где царила предвоенная суэта. Построенные колонны из солдат в тёмно-зелёных мундирах расходились отрядами и уходили на свои позиции. Они были вооружены новейшими семизарядными магазинными винтовками с заряженными обоймами сверху. Ветераны войны или просто рубаки были подпоясаны пехотными саблями или кинжалами. Платону Алексеичу казалось, что век холодного оружия уходит и многие бойцы по обе стороны баррикад отдавали предпочтение стрелковому оружию и амуниции к нему.

Редкие бойцы по двое несли длинноствольные пехотные пулемёты и коробчатые магазины к ним. Немногочисленные автоматы тащили тяжёлые повозки с деревянными ящиками и мешками, в которых перевозились боеприпасы, взрывчатка и бомбы небольшой разрушительной силы, а также медицинские приспособления для лечения бойцов в бою, в основном жгуты, бинты и морфий. Внешне механизмы были выполнены как лошади, но только созданные из керамики, металла и латуни. Лоснящиеся морды, будто живые, периодически поворачивались по сторонам, будто осматривая округу в поисках опасности. Господин полковник знал, что по своей силе они дали бы фору не меньше, чем десяти своим настоящим сородичам.

Русские войска готовились к осаде. Хотя, как считал сам Платон Алексеич, она вряд ли будет продолжительной. Их задача сводилась скорее к затягиванию неизбежного и нанесению как можно большего урона.

В штабе уже практически не было людей. Во всём трёхэтажном здании, возведённом за рекордно быстрые сроки, жизнь кипела лишь на втором этаже, там, где уже собрались офицеры, которые ждали полковника. Войдя, он быстрым взглядом оглядел зал. На своего полковника смотрели ещё совсем молодые офицеры, за редким исключением не старше сорока лет, столпившиеся вокруг овального стола. На противоположной стене от входа висел чёрно-жёлто-белый флаг Империи с двухглавым орлом. Икону, подаренную Петроградским монастырём перед началом военной компании, сняли ранее по приказу Платона Алексеича и спрятали в последнем рубеже, что они намеревались защищать. Не дело это, оставлять святыню безбожникам, которые не ведали уважения к чужим традициям и вере. «Дай Бог потом свои найдут, когда выбьют английских крыс с их марионетками», – подумал он.

На офицерском совещании стояла тишина. Лишь голос Платона Алексеича чеканил подчинённым обстановку перед вражеским штурмом. Судя по данным разведки, второй гренадёрский полк практически достиг их расположения. Ориентировочное прибытие передового отделения – два-три часа. Ещё до пяти часов потребуется, чтобы собрать атакующий кулак и направить его на их гарнизон. Каждый из собравшихся знал, чем это им грозило.

Платон Алексеич говорил им о том, что для него было честью служить с такими офицерами. Просил передать солдатам слова благодарности. Отечество не забудет их жертву, а подвиг останется в веках. Перед тем как разойтись, адъютант разнёс чай в простых металлических солдатских кружках. Погибать нужно было без вина, иначе Апостолы не пустят за ворота рая того воина, что пьяным идёт в бой.

Вот и сейчас, глядя на тёмную жидкость на дне своего стакана, Платон Алексеич почему-то вспомнил чайный сервис своей жены, что остался от неё в наследство. Красиво расписанные цветами чашки с украшенным золотом дном вдруг вспомнились ему как нечто дорогое и важное. Где-то в груди что-то кольнуло, будто из-за невозможности больше увидеть их, он больше не прикоснётся к чему-то, что любила его Александра. Сашенька...

«Радуйся, скоро встретитесь на небе», – проговорил Платон Алексеич самому себе.

Но что-то радостно ему всё равно не стало. Ведь по-другому и быть не могло. Его Александра Евгеньевна могла быть только на небе. Туда и ему было суждено отправиться – в это он очень хотел верить.

После совещания офицеры разошлись по своим делам. У каждого был примерно час до того времени, когда им придётся занять свои места на линиях обороны. Кто-то помолиться в последний раз перед иконой, а кто-то решит проверить готовность позиций, вооружение и настрой своих подчинённых перед битвой. Платон Алексеевич выбрал последнее, ведь именно от него зависел весь исход сражения.

В последний раз он посмотрел на триколор Империи с двухглавым орлом, отдал ему честь и отправился вниз.

Вместе с адъютантом они на машине отправились к единственному значимому офицеру, которому из-за важности его дела было разрешено не присутствовать на совещании. Машина выехала за шлагбаум и зашпeshила по улице, обгоняя группы солдат. Иногда, когда их никто не видел, Карпов нажимал на грушу клаксона слева от руля, и тогда из трубы извлекался характерный звук, похожий на небольшой горн, распугивая отстававших зевак.

Пока они ехали мимо, Платон Алексеевич рассматривал, как солдаты в спешке сгружали мешки с песком и строили из них укрытия. В зданиях, что успели возвести ещё во время строительства крепости, организовывали свои точки стрелки с винтовками с дальнобойной оптикой. Прицелы поступили в войска лишь недавно, но уже показали высокие результаты в дальности стрельбы. Некоторые стрелки умудрялись бить врага на расстояние в целую версту! Жаль, что таких винтовок в его гарнизоне было немного. А так можно было настрелять механизмы ещё на полпути...

Инженерно-сапёрный батальон под командованием старшего унтер-офицера Бучнева Евгения Дмитриевича в тот момент выполнял работы у северных ворот. По тактическому замыслу противника, именно на эти ворота должен был прийти основной удар английских войск, поэтому основное внимание уделялось их защите.

Платон Алексеевич хотел переговорить со старшим офицером и, когда они приехали на место, вышел из машины, разглядев среди солдат Евгения Дмитриевича. Тот был мужчиной лет сорока, издавна похожий на бочонок на маленьких ножках, с такими же маленькими ручками. Немного нескладный, лысоватый, с взъерошенными остатками волос, он носил густые усы и топорщащуюся бороду. В минуты, когда Платон Алексеевич был в хорошем расположении духа, ему даже казалось, что старшего унтер-офицера можно было причислить к гномам – частым персонажам из немецкой мифологии. Едва мужчина увидел полковника, как его очки блеснули, будто приветствуя старшего офицера.

– Платон Алексеевич, – проговорил главный сапёр, сам пропахший дымом, – чем обязан?

– Вы подготовили заряды? – перешёл сразу к делу полковник.

– Взрывчатка установлена по всей линии наших укреплений. Каждая потеря будет стоить врагу какой-то части войск. Но признаться, – Евгений Дмитриевич поправил очки на переносице, словно они у него съехали, – нам не хватает не только людей, но и бомб. Для англичанина мы будем как приятная закуска перед основным обедом. Проглотят и не заметят.

Платон Алексеевич помрачнел. Ему не хотелось быть закуской. Вот костью в горле – это да, всегда пожалуйста.

– Взрывчатку активируют надёжные люди?

Старший унтер-офицер неопределённо махнул рукой, то ли на свои слова, то ли отмахнулся от несуществующей мухи.

– Все отобраны исключительно по рекомендациям командиров и сослуживцев. Но... люди, это люди. У них есть такое несовершенство, как моральные дилеммы, медленные рефлексy и чувство вины. К тому же не надо забывать, что плоть хрупка. Один маленький хлопок – и вот уже нет человека, чтобы что-то там нажать. Люди, не автоматы. Без них мы как без рук, ваше высокоблагородие. Они не устают, не боятся...

Злость начала вскипать внутри у полковника, и всё-таки он быстро подавил собственную вспышку гнева:

– Опять вы со своими машинами. Не доверю я жизни людей какому-то там механизму! Не доверю!

Сапёр лишь пожал плечами. Не его делом было принимать такие решения. Он лишь закончил:

– Установка взрывчатки закончена. Мы готовы к заморским гостям.

После разговора с Бучневым Платон Алексеевич поднялся на северную стену. Больше ему не было надобности куда-то идти или с кем-то разговаривать. Лишь только ожидание своей скорой судьбы стало важным.

Сзади подошёл Карпов. Едва полковник обратил на него внимание, как адъютант протянул ему трость – любимую вещицу, которую покрывал изящный орнамент. Латунный стержень, отполированный до блеска, плавно переходил в элегантную рукоять, украшенную замысловатыми узорами. Инкрустация производила впечатление тонкой вышивки на металле. Платон Алексеевич оставил трость в машине, когда провожал Аннушку, и с тех пор ходил без неё.

Забрав предмет, старший офицер гарнизона нажал на потайную кнопку на навершии. Раздался щелчок, и верхняя часть поддалась вверх. Разъединив, он перевёл её перпендикулярно, открыв подзорную трубу. Поставив нижний конец трости на зубцы стены, Платон Алексеевич примкнул к окуляру и окинул взором плато, что раскинулось перед ним.

На протяжении примерно километра или более со всех сторон к ним подступали джунгли, окружая их плотным кольцом зелени. Солнце светило ярко, покрывая всё это зелёное великолепие золотистым свечением. Воздух, который приносил ветер, был насыщен ароматами влажной земли, цветущих растений и лёгким запахом гнили, характерным для тропического леса.

Платон Алексеевич внимательно осматривал плато через подзорную трубу. Его взгляд скользил по каждому изгибу местности, по каждой детали, которая могла бы указать на приближение врага. Но ничего, что позволило бы судить об этом, он так и не заметил. В конце концов он сдался и повернулся к своему подчинённому.

Адъютант сжал своей здоровой рукой металлический протез, словно проверяя его на чувствительность:

– Представляете, ваше высокоблагородие... Иногда она болит, будто настоящая. Я уже думал обратиться к врачам за обезболивающим.

Платон Алексеевич кивнул. Он слышал подобные истории от сослуживцев, что теряли конечности. Потому он проговорил:

– Такое бывает. Кажется, это называют фантомными болями.

– Я знаю, что такое фантомные боли. Но это не они. Эта железка как будто вжилась в моё тело, стала частью меня... И меня это пугает.

Платон Алексеевич посмотрел на металлическую руку подчинённого. Разве такое возможно?! Конечно, нет. Скорее всего, вся эта ситуация, близость смерти так повлияли на его адъютанта.

Не зная, что ответить, Платон Алексеевич снова принял к окуляру. Будто юнец, не находящий слов, чтобы подбодрить товарища, он намеренно уклонился от ответа. И не сразу заметил одинокую фигуру, что появилась из джунглей и медленно брела к ним.

– Кстати, – проговорил Карпов, снимая заплечный мешок, с которым редко расставался. – его высокопревосходительство генерал-лейтенант Алексеев прислали вам подарок. Забрал накануне из почты...

Но тут адъютанта прервали:

– Человек! – раздался удивлённый крик стрелка с винтовкой с дальнобойной оптикой.

– Вижу его! – подтвердил другой солдат, поднимая свою винтовку и внимательно следя за фигурой через прицел.

– Не стрелять без команды! – резко приказал Платон Алексеевич, отрываясь от окуляра. – Посмотрим, что они задумали. Продолжайте наблюдение, если кто-то появится, сразу мне доложить. Карпов, за мной.

Трость вместе с подзорной трубой полковник оставил на стене. Вместе с адъютантом они спустились по лестнице со стены. Платон Алексеевич спиной чувствовал нетерпение подчинённого. Не дойдя до ворот метров пять-шесть, он остановился.

– Пять стрелков сюда, – приказал Платон Алексеевич, не оборачиваясь. – И пусть будут наготове.

Карпов кивнул и быстро удалился, чтобы выполнить приказ. Спустя несколько напряжённых минут он вернулся. Солдаты встали рядом с полковником, крепче сжимая свои винтовки. Напряжение в воздухе нарастало с каждой секундой.

– Парламентёр, ваше высокоблагородие, – крикнул сверху стрелок, заметивший, как и он фигуру.

Конечно. Красные мундиры, как называли англичан в войсках российской империи за их военную экипировку, намеревались взять их заставу без боя. Про лагеря для военнопленных, что радушные душегубы из островной Империи готовили для своих военнопленных, ходили легенды. Но русский солдат и офицер не сдастся, чтобы честь не потерять, не из-за страха перед лишениями и страданиями, конечно.

– Железка просит ваше высокоблагородие разрешить пройти, – продолжил стрелок со стены. – Говорит, что у неё есть какое-то важное сообщение.

На секунду полковник призадумался. Не уловка ли это? Солдаты пропустят автоматон внутрь, а она, пробравшись внутрь, тут же активирует бомбу, повредив ворота или ещё лучше – убив его, то есть командира. Но на такую подлость даже англичане не пошли бы, хотя, как говорится, ещё не придумали такую подлость, на которую они не были готовы. Но всё-таки он сухо бросил:

– Пропустить.

Адъютант кивнул:

– Отворяй! – рявкнул он двум застывшим у ворот солдатам.

Тяжёлые металлические створки медленно открылись. Через образовавшийся проход проникла хрупкая женская фигурка. Вздых удивления раздался над русским войском, когда они увидели девушку, что, исполнив изящный реверанс перед открывшими ворота солдатами, направилась прямо к застывшим офицерам.

Парламентёр, или то, что выполняло эти функции, явилось к ним в одиночку. Ей оказался автоматон в виде самой обычной танцовщицы, что можно было встретить в знаменитой Гранд-Опере где-нибудь в Париже.

Выглядела она подобающе. Точёная, будто из камня, что брал начало из античности. На голове соломенная шляпка, украшенная цветами. Ворот отделан белым кружевным жабо. Бело-синее платье, что дало бы фору любой модной кокетке из Парижа. Но всё это – и изящная одежда, и даже обувь – было разукрашенным и мёртвым металлом и частично керамикой, лишь передающим внешность настоящей женщины.

Едва она вошла, как вздох удивления раздался по строю солдат. Они ожидали смертоносных автоматов, а тут к ним пришла какая-то гризетка. Пусть она и была механизмом.

Видя всеобщее смятение, Платон Алексеевич громко спросил:

– Что ты хочешь, марионетка? Или твои хозяева прислали тебя заявить о капитуляции? – по рядам солдат прошёл нервный смешок.

Полковник не был уверен, что механизм его понимал. Вдруг она знала только английский язык? Но его опасения были напрасны.

Когда автоматон говорила, то части её лица раскрывались на четыре части, как челюсти у паука, что было достаточно зловеще. А дополняли всё рваные движения механическими конечностями, подкрепляя каждое слово:

– Верные сыны Русской Империи! – провозгласил автоматон на чистом русском языке женским голосом, с металлическими, неживыми нотками. – Зачем вам умирать за своего царя, если можно сдаться и жить ещё долго и счастливо?! В британском плену вас ждёт трёхразовое питание, хорошее отношение и даже жалование, полагающееся пленным для покупки табака или водки. Сложите оружие, и ваши потомки, дети и внуки, скажут вам спасибо!

Автоматон сделала новый изящный реверанс и рваными движениями закончила его поклоном, медленно выпрямившись.

Вот только Платон Алексеевич почувствовал, как глаза его заволокло тёмной дымкой от ненависти. Сдаться! Эта механическая тварь предлагала ему предать Отечество! Резким движением он выхватил винтовку у стоящего рядом солдата, прицелился и спустя секунду нажал на курок.

Пуля пробила керамический череп, разбив его на мелкие куски. Искрящиеся электричеством внутренности обнажились веером искр. Женская фигура упала на мостовую. Руки-конечности тряслись, будто бились в агонии, и в груди Платона Алексеевича заныла старая рана. Он ненавидел себя за эту вспышку ярости – ведь когда-то учил дочь: «Гнев слеп». Но своим солдатам он сказал:

– Никаких переговоров с английскими крысами! Я не стерплю такого унижения! И уберите это убожество отсюда. Сбросьте со стены, чтобы это видели её красномундирные кукловоды.

Уже за его спиной раздался ружейный выстрел. Видимо, кто-то не выдержал и добил механизм.

Английские военачальники не нашли среди своего сброда достаточно смелого человека, чтобы взглянуть в лица своих врагов, – а это было равно нанесению оскорбления. К тому же это был мерзкий автоматон, а на него не распространяются законы военного времени, запрещающие убивать переговорщиков.

А ведь ему предстоит сегодня умереть. И его адъютанту. Ради Императора и своего Отечества. Ещё вчера осознание этого заставляло сердце биться чаще, а от прилива гордости казалось, что он готов хоть сейчас броситься с обрыва. Вот только сегодня он чувствовал лишь грусть.

Несмотря на убеждение Платона Алексеевича, что атакующие будут ждать части для усиления, автоматонов отправили на гарнизон прямо с марша. Плотные группы смертоносных механизмов неслись по обширному полю, огибая его с разных сторон или напирая прямо в лоб, на огонь бывшей по ним артиллерии. Тупые инструменты человеческого гения понесли первые потери в битве, но русский офицер знал, что их взяли в клещи. С запада, севера и юга на них шли английские орды. С востока же их прикрывало море. Или, наоборот, отсекало от возможного спасения.

Пути назад нет. Они были окружены, и впереди их ждала жестокая битва, где каждый метр земли будет орошён кровью, а каждый вздох может стать последним. Платон Алексеевич крепче сжал рукоять своей сабли, готовясь к неизбежному столкновению. На их победу не поставит и самый отчаянный картёжник в Петрограде, не то что взрослый мужчина, разменявший пятый десяток лет. А в плен он не сдастся. Сама мысль об этом отвергалась русским офицером как самая жуткая ересь.

Основная задача всех линий обороны – сбить атакующий потенциал англичан. Потери автоматонов должны стать многократными, а за каждую жизнь русского солдата они должны платить жестокую цену. Но подобная тактика должна сработать с войсками, состоящими из

людей. Подействует ли она на бездумные механизмы? Платон Алексеевич не знал заранее, но очень надеялся на чудо.

– Подпустить на сто метров и дать залп! – громко скомандовал стрелкам Платон Алексеевич, стоя на стене и напряжённо всматриваясь в ряды напирających врагов.

Дружная ружейная канонада сотрясла стены. Густой и плотный сизо-белый дым на секунду скрыл всё вокруг, будто плотный туман. Едва он рассеялся, как русский офицер аж улыбнулся от удовольствия.

«Хорошо! Очень хорошо!»

Передовые атакующие автоматы рухнули под ноги напирającym рядам, что буквально втапывали их в землю, не замечая ничего вокруг. В нескольких местах была даже заметна прореха. Проклятые механизмы падали, теряя свои конечности и бессильно пытаясь ползти дальше вперёд. Вражеские инженеры, конечно, исправят это и починят их после боя, но сам факт не мог не радовать.

Но ликование было преждевременным. Ответный огонь артиллерии их врага чуть не обрушил стену. Размещённые на ней бойцы скрылись в клубах пыли. Едва стихла канонада, как с разных сторон раздались стоны и крики раненных.

– Стена долго не протянет, – сказал адъютант.

Слова Карпова не сразу дошли до офицера. В ушах звенело после удара англичан. Несмотря на то, что его не задело, Платон Алексеевич ощутил горечь и боль, ведь подчинённые ему солдаты умирали прямо сейчас.

– Будем держать столько, сколько потребуется, – зло бросил своему подчинённому офицер.

Против русского гарнизона сейчас действовали разведывательные автоматы. Они напоминали фигурами людей. Правая конечность сжимала пехотную саблю, в левой они были вооружены обычными пистолетами. Достигнув стены, механизмы принялись стрелять вверх по защитникам, никого, впрочем, не задевая. Но не это было их главной задачей. Нужно было сковать русские войска в бессмысленном бою, так как на задних рядах атакующих уже показались новые враги с осадными лестницами.

Один артиллерийский залп англичан не достиг цели и рухнул прямо в толпу автоматов. Куски металла и керамики разлетелись в стороны, частично осыпав защитников. Но последующий удар артиллерии был куда точнее. В воздух поднялась пыль, а отколотые части стены обрушились вниз. И, к ужасу полковника, туда же соскользнула фигура стрелка, заметившего первым английского автомата-парламентёра.

«Вот она, кровь моих бойцов. И сколько её ещё прольётся?» – с горечью подумал Платон Алексеевич, наблюдая за происходящим.

Неутомимые механические воины шли вперёд несмотря на потери. Задача вражеской артиллерии состояла в том, чтобы проредить ряды русских солдат и дать своим силам возможность закрепиться на стене. Но защитники крепости, несмотря на падающие вокруг снаряды и рушащиеся стены, были готовы стоять насмерть.

Снизу начали вылетать крюки-кошки. Несколько штук забренчали по полу стены и заскользили назад, ища опору и, не найдя её, упали обратно. Но один всё-таки зацепился за выступ. Металлический трос, уходящий вниз, зловеще натянулся.

Платон Алексеевич подошёл к краю стены и бросил быстрый взгляд вниз. Крюки выбрасывали неизвестные ему автоматы-штурмовики; устройства были вмонтированы в их левую руку. В правой же руке каждый из них сжимал грозное оружие – боевой цеп, зловеще поблёскивающий на жарком солнце. Это мощное и опасное приспособление, состоящее из длинной рукоятки и тяжёлой цепи с шипастым шаром на конце, создавало ощущение неукротимой силы и разрушительной мощи.

Трос тянул зловещий механизм прямо к стене, и штурмовик начал ловко подтягиваться, взбираясь вверх с ужасающей скоростью и точностью. Его механические глаза светились холодным светом, а движения были резкими и уверенными. Враг был настроен решительно и скоро прорвётся сквозь их укрепления.

Один из солдат получил пулю прямо в лицо. Капли крови туманом взметнулись в воздух вслед за опрокидываемым телом назад. Ненависть молнией пронзила разум полковника, и как раз в этот момент из-за края стены показалось массивное по сравнению с обычным человеком тело автомата-штурмовика. Глаза механизма светились зловещим светом. Трос, к которому крепилась крюк-кошка, затянулся в левую механическую руку.

Металлический воин повернулся всем телом к полковнику и на секунду замер, будто изучая своего противника. Свечение его глаз будто обещало смерть и разрушение. Полковник стиснул зубы и крепче сжал рукоять своей сабли с кристанитовой инкрустацией, способной рубить металл. Он знал, что настал решающий момент.

Автоматон, словно закончив изучать противника, сделал первый выпад. Его боевой цеп со свистом рассёк воздух, направляясь прямо к Платону Алексеевичу. Полковник ловко увернулся, отступив в сторону, и тут же контратаковал, целясь в механическую руку автомата.

Несмотря на свою громоздкость, автоматон оказался быстрым и манёвренным. В последний момент успев увести руку в сторону, он получил лишь несильный удар, выбивший небольшой кусок металла. Вернув себе устойчивость, механизм снова замахнулся цепом, вынуждая полковника отпрыгнуть от его атаки. Тяжёлый шипастый шар пронёсся в каких-то сантиметрах от офицера и, падая, выбил пыль.

В этот момент появился Карпов. Он выпорхнул откуда-то сзади, поднырнул под руку атакующего его автомата и с размаху ударил по его опорной ноге своей саблей. Как знал Платон Алексеевич, его адъютант ласково называл своё оружие «Гаврюшей». Клинок легко рассёк металл, и механизм с грохотом упал на колени, потеряв равновесие.

Не теряя времени, Карпов отскочил на безопасное расстояние и крикнул полковнику:
– Сейчас!

Старший офицер воспользовался моментом и, сделав резкий выпад, вонзил свою саблю в грудь, где, как он надеялся, было сердце его противника. Лезвие с трудом пробило броню, но всё же достигло цели, заставив механизм заискриться. Автоматон в последний раз пошатнулся и с грохотом рухнул на каменный пол стены, поднимая облако пыли.

Едва дым рассеялся, стало видно, что автоматон больше не двигается. Платон Алексеевич тяжело дышал, его руки дрожали от напряжения, но он стоял, готовый к новым атакам. Солдаты вокруг него, вдохновлённые его решимостью, снова заняли свои позиции, готовые защищать баррикаду до конца.

Новые крюки заскрежетали по камням, и на стене появились свежие враги-автоматы. Массивные тела заслонили горизонт. Ружейные выстрелы высекали искры из металлических тел, пробивали и выбивали куски, обнажая искрящиеся внутренности, но, словно не замечая повреждений, смертоносные марионетки двигались вперёд. Артиллерия англичан продолжала бить по стенам, сотрясая поле боя, развернувшееся на стенах. Нужно было действовать, и он громко закричал, стараясь перекрыть шум боя:

– За Веру, Царя и Отечество!

Он был похож на призрака, что восстал среди развалин. Офицерская сабля поднята над головой, будто божественное оружие, готовое опуститься на головы врагов. Рёв десяти глоток взрывает поле боя не хуже, чем смертельная вражеская шрапнель. Платон Алексеевич всего лишь на миг почувствовал гордость за своих людей, не страшущихся гибели, как раздался новый удар, сбивший его с ног.

Он потерял равновесие и как будто продолжал падать в бездну, как вдруг почувствовал удар. В глазах потемнело, а боль спёрла дыхание, пронзила грудь, как вражеская сабля. А может и вправду его убил автоматон или заряд артиллерии?

Нет, он пока не умер.

Кто-то держал его руку. Ангел?

Офицер наконец-то открыл глаза и увидел встревоженное, молодое лицо, испачканное сажей и чужой кровью. Совсем ещё детское. Про таких говорили, что «на губах материнское молоко не успело обсохнуть». Парень нелепо двигал губами, будто что-то говорил, но полковник его не слышал, лишь глупо лежал, пытаясь прийти в себя.

– ... Ваше высокоблагородие! – внезапно ворвался голос солдата в сознание. – Нужно уходить! Стена пала!

Платон Алексеевич с трудом поднялся на ноги, опираясь на руку своего защитника. Возможно, у него было сломано ребро, а может быть, осколок пробил его тело. В такой обстановке некогда было задумываться о своих ранах, когда вокруг гибли солдаты Империи! Ему повезло. Вероятно, его отбросило взрывной волной от края стены, когда раздался взрыв. Оказавшись на ногах, Платон Алексеевич отряхнул волосы от пыли и мелкой каменной крошки.

Стена осыпалась, как будто собранная из песка. Теперь вместо неё была насыпь, по которой без проблем будут взбираться вражеские войска. Солдат указал на противоположную сторону, там, где была лестница, по которой он спускался, когда встречал автоматона-танцовщицу.

– Ваше высокоблагородие, нам туда!

Вместе с солдатом они спустились вниз, где уже формировалась баррикада. Солдаты, напрягая силы, подтаскивали обломки стен, деревянные балки и мешки с песком, чтобы хоть как-то замедлить продвижение врага. В воздухе висела густая смесь дыма и пыли, затрудняя дыхание и обзор. Но атакующие автоматоны пока не приближались. Насыпь из остатков стены пока была пуста.

Командовал всем адъютант Карпов. Он быстро перемещался по импровизированной баррикаде, указывая солдатам, куда складывать материалы и как лучше укрепить позиции. Его лицо было покрыто пылью и потом, но глаза горели решимостью.

– Ваше высокоблагородие! – Карпов заметил Платона Алексеевича и сразу же подошёл к нему, отдавая честь. – Рад, что вы в порядке.

Платон Алексеевич кивнул, оценивая ситуацию.

– Как долго мы сможем удерживать эту позицию? – спросил он, оглядывая укрепления. Карпов пожал плечами.

– Трудно сказать. Враг пока не атакует, но это лишь вопрос времени. Мы должны быть готовы ко всему.

Видя, что Карпов пока справляется с организацией обороны, полковник обернулся к солдату, который спас его на стене. Юноша уже собирался уходить – помогать своим товарищам.

– Как тебя зовут, солдат? – спросил Платон Алексеевич, тяжело дыша.

– Иван, ваше высокоблагородие, – ответил тот, вытянувшись по стойке смирно.

– Спасибо тебе, Иван, – сказал Платон Алексеевич, положив руку на плечо юноши. – Ты спас мне жизнь.

Солдат смущённо улыбнулся и опустил глаза.

– Это мой долг, ваше высокоблагородие.

Отсалютовав, солдатик тут же убежал. Платон Алексеевич снял фуражку, достал из кармана кителя платок и протёр от пота лоб. На несколько секунд он посмотрел на кокарду в виде двухглавого орла с образом Георгия Победоносца, пронзающего копьём змея.

– Примкнуть штыки! – приказал Карпов.

Солдаты дружно опустились на колено, достав из специальных ножен на поясе штыки. В этот момент раздался грохот новых взрывов, и земля затряслась под ногами. Враг снова активизировался, и артиллерийская канонада извещала о его подходе.

Русские войска теперь откатились за новые баррикады, сам полковник вместе с адъютантом укрылись за одной из телег. Пока автоматы не показались на насыпи, полковник взял слово:

– Красные мундиры не считали за честь скрестить с нами сабли лично, а подослали свои любимые игрушки – женских кукол, в которые привыкли играть дома перед уютным камином. – На лицах солдат, измученных первым штурмом, измазанных кровью и сажей, появились искренние улыбки. Никаким безбожникам не запугать и не украсть их воинский дух. – Так давайте встретим их тем, чем всегда встречали врага наши предки. Огнём и мечом! За Бога, Царя и Отечество!

Едва Платон Алексеевич закончил свою пламенную речь, как на насыпи, оставшейся после стены, появились фигуры врагов.

Новые автоматы были ещё более смертоносными, чем прежние. Внешне они напоминали людей. К левой руке крепился круглый щит, а в правой руке они сжимали короткие, широкие мечи наподобие гладиуса. Стремительные нижние конечности перемещали машины со скоростью спринтера, а они сами прижимались к земле, будто готовя удар или опасаясь одного.

Винтовочные выстрелы сотрясли баррикады русских войск. Пули ударили в наплывающую стальную волну. К удовольствию Платона Алексеевича, не менее четырёх автоматов упали замертво. Ещё больше получили повреждения, но были готовы продолжать бой.

Ещё до начала схватки он увидел, как один из автоматов, приблизившись, атаковал защитника гарнизона. Меч-гладиус пронзил солдата насквозь, вырвавшись из его спины так быстро, что солдат не успел достать пехотный тесак, чтобы защититься.

Два гвардейца зарубили пашками стального убийцу с двух сторон и тут же вступили в бой с наплывающей волной. Началась жёсткая сечь, прерываемая редкими оружейными выстрелами.

Платон Алексеевич не был намерен отсиживаться за спинами солдат. Вынув из ножен саблю, он поспешил в первые ряды, размахивая оружием, как бравый драгун. Едва достигнув врагов, он широким ударом снёс голову ближайшему механизму, который готовился проткнуть своим мечом солдата. Затем ударил по щиту другого, и тот, потеряв равновесие, отступил на шаг назад.

Не давая врагам опомниться, полковник сделал выпад вперед, целясь в сочленение брони на ноге третьего механизма. Сабля, сверкнув на солнце, пробила слабую точку, и механизм с лязгом рухнул на землю. В это время рядом с ним солдат, вооружённый ружьём с примкнутым штыком как пикой, атаковал другого автомата, попав прямо в центр его корпуса.

Платон Алексеевич быстро огляделся, оценивая обстановку. Солдаты, вдохновлённые его примером, с новыми силами бросились в бой. Вражеские механизмы, несмотря на свою грозную внешность и мощное оружие, начали отступать под натиском решительных защитников крепости.

Но как бы ни были героическими их усилия, гарнизон нёс потери. Несколько солдат лежали на земле, раненые или уже не подающие признаков жизни. Крики боли и стоны разносились по полю боя, создавая мрачный аккомпанемент к лязгу металла и выстрелам. Один из штурмовых автоматов внезапно запустил свой крюк прямо в стоявшего напротив солдата. Ужасающее приспособление пробило его тело навылет, войдя в грудь и выйдя из спины, ударило о стену в пяти метрах дальше, испачкав её кровью несчастного и увязнув там.

«Боже, они обучаются!» – мелькнула в голове у Платона Алексеевича мысль. – «Да нет, это невозможно. Скорее всего, какой-то сбой. Разум механизмов – это набор движений из перфокарт с минимальным анализом...»

Нужно отступать. Враг наседал, и ему не было числа. Полковник поднял руку, подавая сигнал горнисту, и над полем боя раздался резкий, тревожный звук, призывающий солдат отходить на заранее подготовленные позиции.

– Отходим ко второй линии обороны! Активируйте заряды! – крикнул Платон Алексеевич, стараясь перекрыть шум боя.

Приказ был ответственному за подрыв солдату, какому именно, полковник не знал, но надеялся, что его услышали. Несмотря на напор механизмов, русские войска отходили достаточно организованно. Раненых товарищей, кого могли, они тащили с собой, не оставляя их на милость врагу.

Платон Алексеевич, видя, как его люди отступают, продолжал руководить обороной, несмотря на усталость и боль, появившуюся после оглушения. Он знал, что каждый шаг назад должен быть продуман и организован, чтобы не превратиться в паническое бегство.

– Заряд не активируется, – проговорил солдат, что привёл его в чувство ранее, появившись прямо после того, как Платон Алексеевич сразил своей саблей ближайшего автоматона. – Видимо, перебило кабель.

– Найди старшего унтер-офицера Бучнева, – приказал ему полковник. – Должен быть способ активировать заряды.

Иван кивнул и тут же исчез в гуще сражения, пробираясь через дым и пыль, чтобы выполнить приказ. Платон Алексеевич глубоко вздохнул, стараясь подавить нарастающую волну усталости. Его тело уже начинало отзываться болью от каждого движения, но он понимал, что сейчас не время сдаваться. Вокруг него скоро с новой силой вновь закипит битва, и, хотя русская армия отступала, они окажут достойное сопротивление механизированной армаде врага.

Иван вернулся вместе с Бучневым в тот самый момент, когда полковник уже собирался попросить адъютанта найти себе пистолет. Старший унтер-офицер выглядел сейчас, как и все они: с гарью на лице и пропахший дымом. Глаза его бегали беспокойно, словно искали что-то важное, но не могли найти. Платон Алексеевич подумал, что это из-за усталости и боя. Лишь торчащий из-за плеча приклад дискового пулемёта намекал ему, что перед ним опытный боец, готовый в любой момент вступить в бой.

– Доложите обстановку, Евгений Дмитриевич, – сказал полковник, обращаясь к Бучневу.

Евгений Дмитриевич прокашлялся и зачем-то перед ответом посмотрел на адъютанта, будто ожидая от него поддержки:

– Взрывная машинка осталась позади! Мы ничего уже не сделаем, кабель где-то перебило. Нужно отступать к следующим баррикадам.

Определённый смысл в словах сапёра был. Если нет возможности активировать взрывчатку, то нужно, сохранив людей, идти на подготовленные позиции. Там были укрытия лучше, чем телеги. Вот только солдат не разделял их мнения.

– Ваше высокоблагородие. Разрешите мне попробовать активировать взрывчатку.

Слова Ивана удивили полковника. Как такое может быть, чтобы солдат знал больше, чем старший унтер-офицер? Вот и Евгений Дмитриевич зло сверкнул своими очками:

– Что ты мелешь, солдат? Тебе было сказано, что подорвать заряд не получится!

Злость сапёра сочилась в самих словах, но Иван и не думал сдаваться:

– Да как же не получится?! Там обычный тринитротолуол. Есть вариант использовать ручной запал.

Иван быстро присел перед полковником, снял свой заплечный мешок и достал из него трубку с устройством на одном конце в виде щипчиков. Полковник был знаком с таким устрой-

ством. Нижний конец вставляешь в взрывчатку и соединяешь рабочие части, что приводит к замыканию цепи. Отсюда будет взрыв.

– Подожди, но как же ты?.. – спросил недоумённо Платон Алексеевич.

Но его голос растворился в раскатистом грохоте выстрелов.

Новые ходящие машины появились впереди. На этот раз это были автоматы в виде рыцарей, с овальными щитами по типу skutuma, про которые Платон Алексеевич ещё читал в книгах про военное искусство и конкретно в разделе про римских легионеров и вооружение. Они прикрывали стальных врагов от стрелкового огня. Над верхними краями защитных приспособлений виднелись лишь глаза механических созданий. Все остальные части тела были скрыты. Полагаясь на стрелковый бой, они обрушили на защитников град пуль.

В момент нападения Платон Алексеевич оказался с сапёром за одной телегой. Иван куда-то исчез, едва началось нападение. Укрывшись с Евгением Дмитриевичем, они в первые секунды не могли поднять головы, настолько плотный огонь вёлся по ним.

Один из солдат не успел добежать до укрытия. Теперь у самой телеги его труп лежал в луже собственной крови. Платон Алексеевич при беглом взгляде насчитал не менее семи пуль, что вонзились в спину несчастного. Но его оружие как нельзя кстати лежало прямо рядом.

Полковник перекрестился, отдавая честь павшему, и взял винтовку с длинным, тонким прицелом.

– Стреляйте в глаза! – раздался крик адъютанта. Карпов прятался за баррикадами справа. Автоматы, словно среагировав на звук, принялись стрелять в мешанину из каменной кладки и мешков с песком, за которыми он прятался. Поднялась пыль и строительный мусор, что осыпал волосы его помощника.

«Моё время», – подумал Платон Алексеевич, приподнимаясь со своего места и ставя винтовку на телегу.

Полковник принял к окуляру. В мутном стекле прицела появилась стена из щитов. Он видел, как за ними сверкают глаза автоматов, холодные и безжизненные, но полные механической решимости. Платон Алексеевич глубоко вздохнул, сосредотачиваясь на цели. Его палец нежно лег на курок, и в этот момент он почувствовал, как годы службы и тренировок слились в одно мгновение.

Первый выстрел раздался как гром среди ясного неба. Пуля с пронзительным свистом устремилась к цели, пролетев над щитом и попав в один из светящихся глаз автомата. Машина на мгновение замерла, а затем с металлическим скрежетом рухнула на землю.

Место сражённого механизма тут же занял другой. Несмотря на схожесть с римскими легионерами, автоматы стояли не ровным строем, а как в шашках. Платон Алексеевич выстрелил второй раз, попав в голову и уже было собрался открыть огонь снова, как позади стальных тел он заметил одинокую, крадущуюся фигуру. Это был Иван!

– Куда ты!.. – прорычал полковник, но тут же инстинктивно нырнул за телегу. По металлической обшивке тут же забили ответные пули автоматов. После двух выстрелов марионетки врага переключились на него.

– Если у того безумца получится подорвать заряды, то нам надо уходить, – проговорил Евгений Дмитриевич, словно прочитав его мысли. – Взрывной волной может нас накрыть.

Главный сапёр во время новой атаки в основном отсиживался за телегой, периодически отстреливаясь из пистолета. Свой ручной пулемёт он положил на землю, как будто и не собираясь его применять.

– Почему вы не стреляете из автоматического оружия? – спросил его полковник.

– Рано ещё, – отмахнулся старший унтер-офицер. – Поберегу патроны.

Платон Алексеевич быстро прикинул. Если его прикроют огнём из пулемёта, то он, возможно, успеет добраться до Ивана. Автоматов было много, но ему нужно всего-то подобраться поближе, сковать огонь. Руками он уже снял прицел с винтовки и бросил его тут же на

землю. Прекрасное приспособление, но на таком коротком расстоянии превращало стрельбу в сомнительное упражнение для глаз.

Изготовившись для своего смертельного рейда, он прокричал сапёру:

– Я смогу спасти его. Прикройте меня!

Полковник поднялся из-за телеги, быстрым взглядом найдя две мишени, дал несколько залпов. Первого сложил наповал, второй успел прикрыться своим щитом. Отстреляв обойму, офицер отбросил винтовку, обнажая клинок.

Полковник Платон Алексеевич, сжимая в руке клинок, ринулся вперёд, словно тень среди хаоса битвы. Его решимость была непоколебима, а каждое движение – выверенным и точным. Но главное, он не стал кричать или как-то по-другому привлекать к себе внимание смертоносных механизмов.

– Офицер за баррикадами! – заорал Карпов, чтобы свои не убили шальной пулей.

Прекрасная сабля запела в его руках, едва Платон Алексеевич преодолел метра четыре до ближайшего противника. Механизм в этот момент был повернут в сторону другой баррикады русских солдат и попросту не успел среагировать. Полковник пробежал мимо него, ударив клинком назад. Он не видел, нанёс ли урон, так как ворвался в целый отряд механических врагов.

В ближнем бою проклятые механизмы не могли ничего противопоставить ему. Обычные игрушки, что даже вблизи умудрялись промахнуться. Несколько автоматов, подняв ружья, позорно выстрелили вверх при его приближении, словно не могли правильно ориентироваться в пространстве. Платон Алексеевич снёс одному голову и заколол механическое сердце второго, пинком ноги откинул стальное тело. Словно бог войны, воплотившийся в простом смертном, он сеял разрушение, впервые упиваясь уничтожением и давая волю своей ненависти. Утоляя свой праведный гнев, полковник рассмеялся, видя беспомощность врага.

И вдруг он остановился, не видя больше механических солдат перед собой.

На мгновение всё замерло, словно сама природа затаила дыхание. Затем раздался мощный взрыв, и земля содрогнулась под ногами. Взрывы следовали один за другим, эхом разносясь по полю боя. Автоматы начали падать, многие из них буквально разлетелись на части.

Платон Алексеевич чувствовал, как сотрясалась земля. Его подняло в воздух, будто ветер сдувает невесомый лист, падающий с дерева. Но несмотря на силу, что подняла в воздух его тело, упал он так, что не расшибся, словно погибший солдат второй раз спас его. Северные ворота, вместе с прилегающими участками стены, обрушились, погребая под собой десятки автоматов.

Оттряхнув пыль с кителя, Платон Алексеевич медленно поднялся на ноги, осматривая, во что превратилось поле боя. Вокруг него царил хаос: дым поднимался в небо, земля была усеяна обломками механизмов и камней.

Вот только несколько механизмов, что не уничтожил взрыв, уже поднимались, нелепо пытаясь встать. Полковник бросил взгляд на импровизированную баррикаду, за которой он и главный сапёр прятались.

Гномоподобный офицер установил пулемёт на выбитое колесо телеги, которое было соединено с рамой и другим краем упиралось в землю. Вид при этом он имел самый что ни на есть решительный:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.